
АЛМА-АТА В ПРОЗЕ Ю.О. ДОМБРОВСКОГО

Ж.А. Баянбаева

Казахский национальный университет имени аль-Фараби
проспект аль-Фараби, 71, Алматы, Казахстан, 050040

В 1932 году Юрий Осипович Домбровский окончил Высшие литературные курсы («брюсовские»). А в 1933 году был арестован и выслан из Москвы в Алма-Ату, с этим городом связана большая часть его жизни. Из Алма-Аты его дважды арестованным отправляли в ГУЛАГ. Ю. Домбровский снял угол в Тастаке у вдовы-казашки с пятью ребятишками. Каждое утро она пекла лепешку и ломала ее на шесть частей — своим детям и этому чужому человеку. Вспоминая об этом, он не мог сдержать слезы (1). Печатался в «Казахстанской правде» и в журнале «Литературный Казахстан».

Статья посвящена изучению процесса развития художественного образа города в творчестве Ю. Домбровского. Анализируется специфика эстетического восприятия города писателем и взаимоотношения эстетического и художественного в структуре образа. На примере анализа сюжета романа «Хранитель древности» город Алма-Ата в его произведениях предстает как «неслучайное пространство». В статье рассматривается реализация мотива открытия нового города через прием контраста, сопоставления московской и алматинской природы.

Ключевые слова: образ города, художественный образ, художественное пространство, мотив, контраст

Образ города в художественном произведении является одним из значимых элементов композиции текста, выполняет символично-идеологическую и ценностную функции, определяя своеобразие отношения героя со средой. Город рассматривается писателями как модель Вселенной, его организация отражает структуру мира в целом. Такой тип художественного пространства воплощен в образах Петербурга и Москвы, созданных А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым; Петербурга и Москвы, Парижа и Рима, Миргорода, N и NN в произведениях Н.В. Гоголя; вымышленного города-символа, созданного фантазией М.Е. Салтыкова-Щедрина; города Окурова М. Горького и города Градова (как бы город в квадрате) А. Платонова и т.д. В русском литературоведении специальных исследований о городе как художественном пространстве сравнительно немного. В основном исследователи рассматривают эту проблему в связи с выяснением его роли в формировании поэтической манеры, стиля художника. При этом основным объектом внимания, в силу своей политической и культурной значимости, становятся две столицы — Петербург и Москва, ибо именно там культивировались духовные и художественные традиции эпохи. Петербург в силу своего особого геополитического статуса активно перерабатывал европейские идеи в свете русских традиций. Это придавало ему по сравнению с патриархальной Москвой более действенный, активный характер, вносило в ритм петербургской жизни особую напряженность, обостренную психологическую драматичность, фантасмагоричность. Таковую «многослойную» интерпретацию города можно обнаружить в трудах В.Г. Белинского [1], В.Я. Брюсова [2], Н.П. Анциферова [3], Ю.М. Лотмана [4], В.Н. Топорова [5] и т.д.

В истории мировой цивилизации город воспринимается как «вторая природа», создаваемая человеком, как мир, данный нам в ощущениях. Он возникает из взаимодействия между людьми в сжатом пространстве как поле человеческих взаимоотношений, поэтому он стал одним из «вечных» художественных образов в искусстве и литературе. О. Шпенглер замечает, что «всемирная история есть история города» [6], т.е. город обладает ментальной силой, способной формировать сознание людей и придавать определенный характер возникшей в нем культуре. В русской литературе разработана универсальная система поэтических средств и приемов, позволяющих представить образ города (в основном на примере Петербурга) как города — триумфа цивилизации и в то же время как место фальшивых идеалов, галлюцинаций, обманов.

В казахстанской литературе — как в казахской, так и русской — образ города и в особенности столиц — Алма-Аты и новой Астаны — не занял должного места в художественной эпической прозе. Наиболее значительными являются два обращения к этой теме: романы Ю.О. Домбровского, создавшего в них облик «необычайного города» Алма-Аты 30-х годов, и дилогия Дмитрия Снегина «В городе Верном», где показан жизнь и быт старого города, больше известного как крепость Верный.

Исследователи творчества Ю. Домбровского утверждают, что Алма-Ата в жизни писателя сыграла достаточно большую роль. Этот город в его произведениях предстает как «неслучайное пространство». Сюжет романа «Хранитель древностей» начинается с прибытия героя в этот город и завершается его мыслью о том, что «... и хорошо бы сегодня... выбраться в горы» [7. С. 230]. Основное действие происходит в Алма-Ате, которая названа героем-повествователем, «необычайным городом, столь не похожим ни на один городов в мире» [7. С. 6]. Мотив «необычайного» в интерпретации Домбровского, с одной стороны, вызывает ассоциации с традицией изображения города, в частности Петербурга, в русской литературе. Петербург Пушкина, Гоголя и Достоевского тоже полон «необычайного»: писатели подчеркивают мифологическую сущность города, находят в нем все необходимые атрибуты чуда. Петербург возникает «вдруг», как по волшебству, он — своего рода вызов природе, поэтому в нем постоянно присутствует нечто трагическое, что подчеркивается введением в повествование inferнальных сил. Другие мотивы, создающие образ города, связаны с фантастичностью, «странностью», «фантазмагоричностью». Город превращается в пространство иллюзии и обмана, в котором герои чувствуют себя неуютно и обреченно, становится эпицентром непонятных событий, неразрешимых конфликтов.

Домбровский, в силу своей приверженности к классической русской литературе, не мог не использовать эти возможности изображения города. С другой стороны, Алма-Ата в восприятии писателя — особый город, который его «удивил». Мотив «открытия» нового города реализуется через прием контраста, сопоставления московской и алма-атинской природы: «Выезжал я из Москвы в ростепель, в хмурую и теплую погоду» [7. С. 6]. Герой вспоминает дождичек, мокрые московские бульвары, «только-только начинавшие набухать... бурые податливые почки», красные прутья расцветшей вербы. Мотив расставания с родным городом носит ностальгический характер, чувствуется внутренняя, невысказанная боль героя.

Контрастно восприятие им южной природы: «А здесь я сразу очутился среди южного лета. Цвело все, даже то, чему вообще цвести не положено — развалившиеся заплоты (трава била прямо из них), стены домов, крыши, лужи под желтой ряской, тротуары и мостовые» [7. С. 6]. Мотив удивления становится ведущим в повествовании: герой воспринимает окружающее как «море садов» и цветов: «... И все это одинаково захлестнуто, погружено до крыш в сады. Сады везде». Слияние природы и города подчеркнуто целым рядом деталей: рядом с садовыми цветами — тюльпаны, маки и «тот необыкновенный цветок... который алматинцы приносят из-под ледников...» [7. С. 7]. Природа в восприятии впервые увидевшего город героя антропоморфна, действительна поэтому: «...вдруг выбежала навстречу целая семья высоких, тонких, гибко изогнутых деревьев», акаций, которых он сравнивает с восточными танцовщицами: «...И они в самом деле всем — лакированными багровыми иглами, перламутровыми сережками (точь-в-точь морские ракушки), кистями белых цветов (точь-в-точь свадебные покрывала), этой необычной гибкостью напоминали танцующих девушек» [7. С. 7]. Запах акаций также одушевлен, герою кажется, что этот сладкий пряный запах «так тяжел, что не плыл, а стоял в воздухе». Первое восприятие города как сада становится лейтмотивом всего сюжетного повествования. Домбровский создает гимн алма-атинскому тополю, который «и есть в городе самое главное. Без них ни рассказать об Алма-Ате, ни подумать о ней невозможно». В русской поэзии тополь — знаковая фигура природы, символ вознесения к небу. Интересна интерпретация его у А. Фета, В. Хлебникова, которые подчеркивают его устремленность ввысь, оторванность от земного, близость к богу. Б. Пастернак отмечает его княжескую, королевскую осанку и горьковатое благоухание. Нам кажется, что Домбровский, изображая зрелищно-пластическую стройность тополя, его рыцарственную осанку, не мог не учитывать особую философскую функцию этого дерева, ставшего символом города: «Алма-атинский тополь — замечательное дерево. Он высок, прям и всегда почти совершенно неподвижен. Когда налетает буря, другие деревья, гудя, гнутся в дугу, а он едва-едва помахивает вершиной. Не дерево, а колоссальная триумфальная колонна на площади (не забудьте, каждому из этих великанов по доброй сотне лет)» [7. С. 8].

Мотив удивления и восторга реализуется также в сюжете о горах. Домбровский при их описании пользуется всеми выразительными средствами речи и создает поэтический образ, близкий к мифологическому: «Отроги Тянь-Шанского хребта... Кажется, что два мощных сизых крыла распахнулись над городом — держат его в воздухе и не дают упасть» [7. С. 8]. У учителя, знакомого с восточной литературой, возникает ассоциация с чудесным городом, построенным Сиявущем высоко в горах: его ладони не давали Сиявушграду упасть на землю. Писатель в описании пейзажа близок больше к импрессионистам, в этом можно убедиться, проанализировав колорит его зарисовок: сизый фон гор, нежно-розовые вершины, серебро и чернь тополей и т.д. Герой Домбровского в первое же утро пребывания в Алма-Ате улавливает еще одну существенную особенность: «...нигде в мире... дикая природа не подходит так близко к большому городу, как в Алма-Ате» [7. С. 8].

На фоне живой, величественной, чисто восточной природы дан облик реального города 1933 г.: «...хаты, хатки, странные саманные постройки... крепкий, как орех, русская изба... длинная турксибская постройка на целый квартал — масса окон, террас, дверей, лестниц... Глина, саман, тес, тростник. Ни бутового камня, ни кирпича» [7. С. 8-9]. И в этой серости, открытой будничности, возникает нечто необычное, названное героем «чудом». Мотив чуда в восприятии города — традиционный в русской литературе. Вспомним Петербург Пушкина, созданный им в «Медном всаднике»: город представлен поэтом как создание рук человеческих, как чудо творенья, возникшее по его и желанию из хаоса. Благодаря ему свершилось чудо, и «... юный град... краса и диво, вознесся пышно, горделиво». В романе Ю. Домбровского чудо связано с «совершенно иным городом», где «улицы... широкие, мощеные, дома многоэтажные, изукрашенные сверху донизу» [7. С. 9]. Герой отмечает все необычное и обычное для восточного города: здание, растянувшееся на несколько кварталов, вызывает ассоциации с пассажем, «Деловым двором» или «Славянским базаром». Чудесным кажется ему «настоящий дворец Шехерезады», который он видел только на коробках папирос. Все эти детали, русующие город во всех его ипостасях, подготавливают героя для встречи с собором. Ведущими в этом сюжетном эпизоде становятся мотивы встречи и узнавания. Герой «увидел что-то совершенно неожиданное». Чудо заключалось в том, что «он висел над всем городом. Высочайший, многоглавый, узорчатый, разноцветный, с хитрыми карнизами. С гофрированным железом крыш. С колокольней, лестницей — целой системой лестниц, переходов, галерей. Настоящий храм Василия Блаженного, только построенный заново пятьдесят лет тому назад уездным архитектором» [7. С. 9]. Герой, а вместе с ним и автор подчеркивают какую-то сказочную невесомость («висел») и экзотичность этого творения одного человека — Андрея Павловича Зенкова. Неслучайно сопоставление его с московским храмом (мотив «вечной» красоты) и то обстоятельство, что первым утренним гидом Зыбина, прибывшего из Москвы, является старик-казах, сторож при соборе, со знанием дела рассказывающий гостю о достопримечательностях Алма-Аты и о его главном строителе. Домбровский намеренно прерывает сюжетное действие и в довольно пространном отступлении лиро-публицистического и научно-популярного характера дает очень интересные, по крупицам собранные в архивах за двадцать лет пребывания в Казахстане ценные сведения об архитекторе Зенкове и его творениях, в первую очередь о его Кафедральном соборе. В повествовании появляется мотив города Верного как края света и города на вулкане, необходимый для того, чтобы подчеркнуть грандиозность замыслов архитектора, верящего в возможность появления в Алма-Ате конструкций «... грандиозных по высоте до 30—40 этажей...» [7. С. 13]. Домбровский создает образ прекрасного человека, который «разительно напоминает лейтенанта Шмидта». В своем герое писатель выделяет стремление к красоте: «... он любил красивые вещи. Вернее, не красивые, а изукрашенные. В музее хранится его портсигар из уральского камня. На нем не осталось живого места. Он весь в вензелях, образках, разноцветных жгуче-синих и розовых эмалях с картинками и видами» [7. С. 15]. Архитектор Зенков, художник Калмыков и герой романа Зыбин, хранитель древ-

ностей, ощущают причастность к той красоте города, которую создают своими руками и чувствуют в нерасторжимом единстве с природой.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) <http://ermitazh.theatre.ru/people/creators/writers/dombrovsky/15062/> Юрий Домбровский, хранитель древностей Павел Косенко, Родина, № 2, 2004.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Белинский В. Г.* Петербург и Москва // В.Г. Белинский. Собр. Соч. В 3 т. Т. 3. М.: ОГИЗ, 1948. С. 763—815.
- [2] *Брюсов В.Я.* Медный Всадник. Некрасов как певец города // В.Я. Брюсов. Соч. В 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1987. С. 167—197; С. 206—214.
- [3] *Анциферов Н.П.* «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. 452 с.
- [4] *Лотман Ю.М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 30—45.
- [5] *Топоров В.Н.* Петербург и петербургский текст русской литературы // Семиотика города и городской культуры. Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту, 1984. С. 4—29.
- [6] *Шпенглер О.* Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Полтиздат, 1991. С. 23—68.
- [7] *Домбровский Ю.О.* Хранитель древностей. Алма-Ата: Жазушы, 1989. 352 с.

ALMA-ATA IN YU. O. DOMBROVSKY'S PROSE

Zh.A. Bayanbayeva

Al-Farabi Kazakh National University
Al-Farabi avenue, 71, Almaty, Kazakhstan, 050038

In 1932 Yuri Osipovich Dombrovsky graduated from the Higher literature courses (“brosowski”). In 1933 he was arrested and deported from Moscow to Alma-Ata, this city is linked to most of his life. From Alma-Ata he was twice arrested sent to GULAG. Yuri Dombrovsky took the corner in Tastak the widow-the Kazakh woman with five kids. Every morning she baked a cake and broke it into six parts — to their children and this stranger. In retrospect, people said who knew him, he couldn't hold back the tears. He published his works in “Kazakhstan Pravda” and the magazine “Literary Kazakhstan”.

The article devoted to the research of the development of the artistic image of the city in Yu. Dombrovsky's works. Specifics of esthetic perception of the city by the writer and relationship of an esthetic and art image in structure are analyzed. On the example of the analysis of a plot of the novel “Keeper of Antiquity” the city of Alma-Ata in its works appears as “nonrandom space”. In article realization of motive of opening of the new city through reception of contrast, comparison of the Moscow and Almaty nature is considered.

Key words: image of the city, artistic image, art space, motive, contrast

REFERENCES

- [1] Belinskij V. G. *Peterburg i Moskva* [St. Petersburg and Moscow] // *V.G. Belinskij. Sobr. Soch. V 3 t. T.3* [The composition in 3 volumes. V. 3]. Moscow, OGIZ Publ., 1948. Pp. 763—815.
- [2] Brjusov V. Ja. *Mednyj Vsadnik. Nekrasov kak pevec goroda* [Bronze Horseman. Nekrasov as singer of the city] // *V. Ja. Brjusov. Soch. V 2 t. T.2.* [The composition in 2 volumes. V. 2.]. Moscow, Hudozhestvennaja literature Publ., 1987. Pp. 167—197; 206—214.
- [3] Anciferov N.P. «*Nepostizhimyj gorod...*». *Dusha Peterburga. Peterburg Dostoevskogo. Peterburg Pushkina.* [“Incomprehensible city...”. Soul of St. Petersburg. St. Petersburg Dostoyevsky. St. Petersburg Pushkina]. SPb., Lenizdat Publ., 1991. 452 p.
- [4] Lotman Ju.M. *Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda* [The symbolism of St. Petersburg and the problem of semiotics city] // *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 18.* [The Semiotics of city and urban culture. Works on sign systems. Vol. 18]. Tartu, 1984. Pp. 30—45.
- [5] Toporov V.N. *Peterburg i peterburgskij tekst russkoj literatury* [Petersburg and the Petersburg text of Russian literature] // *Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Trudy po znakovym sistemam. Vyp. 18* [Semiotics of city and urban culture. Works on sign systems. Vol. 18]. Tartu, 1984. Pp. 4—29.
- [6] Shpengler O. *Zakat Evropy* [The decline of Europe] // *Samosoznanie evropejskoj kul'tury HH veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshhestve* [The self-Consciousness of European culture of the twentieth century: Thinkers and writers of the West about the place of culture in modern society]. Moscow, Poltizdat Publ., 1991. Pp. 23—68.
- [7] Dombrovskij Ju. O. *Hranitel' drevnostej* [The Keeper of antiquities]. Alma-Ata, Zhazushy Publ., 1989. 352 p.